

Самая раскрученная колбаса, как правило, тухлая

Артист **Юрий БЕЛЯЕВ** всю свою жизнь проработал в Московском театре драмы и комедии на Таганке.

Однако на сегодняшний день занят лишь в двух спектаклях — “Перекресток” и “Мастер и Маргарита”. Играет главные роли в спектаклях Московского театра “Эрмитаж” “Живой труп” и “Белая овца”. С роли графа Монсоро в телесериале “Графиня де Монсоро” резко пошла в гору его “серийная” карьера.

— Юрий Викторович, всю жизнь вы проработали в театре, играли крупные роли, а широкую известность все же получили благодаря ТВ: переключаясь кнопки, всюду Беляев — граф, мафиози, благородный отец. Что такое сериал — миф, очередной опиум для народа?

— Опиум, причем навязываемый массированно, грубо. Третья реальность, которая отнимает у человека инициативу, способность самостоятельно оценивать то, что происходит в жизни и на экране. С точки зрения формальной — прибыльная статья дохода. И часто только по этой причине снимаются сериалы. По процедуре это затея бесцельная, без особых условий, которые сохраняли бы творческую атмосферу, индивидуальность артиста и т.д. Сниматься в сериале тяжело: много бывает изменений уже во время съемки, 10 — 12-часовой рабочий день — в общем, сложности. А при отсутствии стимула это превращается не просто в эксплуатацию актерского умения, но в полное его уничтожение. Идет эксплуатация физиологических данных, даже если ситуация оформляется грамотными сценаристами, что тоже редкость. Пишутся сценарии компьютерным способом, стандартными

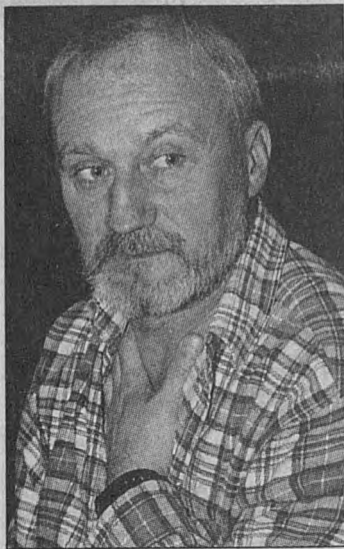
программами, и это видно: готовые модули переходят из одного сериала в другой.

— Шаблон уже на уровне текста?

— Когда я читаю сценарии, подчас путаюсь: не видно автора, стиля, жанра. А участие в сериале — единственное для многих актеров средство к существованию. Потом начинаются нюансы, про которые можно разговаривать долго, как про любые нюансы актерской профессии.

— Лица, засветившиеся в сериалах, вошедшие в моду (этой — звезда, та — суперзвезда), когда их потом видишь на сцене, огорчают беспомощностью: Амалия Мордвинова, Николай Фоменко и многие другие. Связана ли депрофессионализация с уничтожением мастерства актера на ТВ, о котором вы говорите?

— Если речь об антрепризе, то там примерно те же условия, что и в сериале. К большому сожалению, антреприза вынуждена проигрывать стационару, она тоже — вид опиума, тоже сдача позиций. В театре я на репетициях трачу три-четыре месяца на выработку условного рефлекса, которым я потом оперирую, как своим орудием. Поэтому мой ответ прост: если бы иметь хоть какую-то возможность не сниматься в сериа-

Ю. Беляев

лах, я бы не просто в них не снимался, я с наслаждением отказался бы от всех сериалов, в которых уже снялся.

— ??

— При помощи фантастической пластической операции. Мне гораздо увлекательнее поработать с 20 разными режиссерами над 20 разными пьесами с 20 разными актерскими составами, чем в 20 сериях. На съемках фильма между прочим, только когда снято 50 процентов материала, начинаешь ориентироваться, испытываешь потребность расширить рамки персонажа.

— А что, такое еще удается? Кино еще не выродилось в занятие для самих кинематографистов.

— Да, кино стало фестивальным зрелищем. Фестиваль живет неделю, потом ленту пускают еще на внеконкурсные показы — и все. Кино для узких специалистов, но мы все работаем для узких специалистов.

— Однако театр все же остался если не общедоступным, то широкодоступным.

— Что толковать о театре! Для артиста театр — основа, школа, количество штампов, качество умений, короче — все.

— Но сейчас все больше актеров уходят в свободное плавание. Не только потому, что театров вопреки известному вопросу Марка Захарова — зачем их так много? — на самом деле не хватает. Причем уходят не только актеры с именем, но и молодые, малоизвестные.

— Замечательно, что появились люди, которые не хотят закрепощать себя на галере под названием “стационарный театр” а желают зависеть от самих себя. Я сформировался в глухие брежневские времена, для меня любая стабильность положительна. А ведь это не так, стабильность есть ограничитель самого процесса. Появление “перелетных” хорошо еще тем, что разнообразит театральные рынки, тонизирует состояние актерских индивидуальностей и условий, в которых те работают. К сожалению, никто теперь не скажет: вот артист Н, он одну премию получил, другую, хороший артист, самое время взять да и сунуть его в трагедию. В настоящую, на театральной сцене. А не скажет, потому что с таким артис-

том надо особенно честно работать, а не тиражировать в нем однажды найденное, чтобы он вышел в тираж. Увы, в таком развитии никто не заинтересован, кроме театров, и то немногих. Я не перестаю удивляться, как удалось Марку Анатольевичу Захарову переломить у Олега Янковского собственное его о себе представление и предложить ему в “Чайке” сыграть иной характер. Это главное чудо, которое может позволить себе театр по отношению к артисту. Ведь очень многие лишены такого шанса — переломить себя и стереотип восприятия себя публикой. Мне вспоминается драматически-анекдотический сюжет с Евгением Леоновым. Много лет назад я попал в Театр Маяковского, где играли потрясающую русскую трагедию “Дети Ванюшина”. Мне не повезло: был целевой спектакль. Как только Евгений Леонов появился на сцене, вспомнили какую-то кинокомедию, раздался гогот. Мерзкий, казарменный гогот, который не умолкал три часа. Мужество, с которым Евгений Палыч вел себя на сцене, невероятно. Он довел спектакль до конца, а мне хотелось... Знаешь, я понимаю, откуда у молодых людей сейчас появляется экстремистская мания вроде недавней футбольно-погромной: что-то их сильно не устраивает. Тогда я готов был буквально на преступление, чтобы прекратить расстрел артиста гоготом зала. Не смог — но подобные случаи заставляли меня критично относиться к публике.

— А сегодня ставятся и вовсе рекламируются спектакли, где гогот, даже ржанье — цель.

— Пожалуйста, почему нет? У нас большая страна, на любое качество можно найти потребителя. И надо любому дать пищу, которую он усваивает, чтобы потом предложить более добротную.

Я по-прежнему убежден, что кесарю — кесарево, а не кесарю — не кесарево. Хочешь ты тухлой колбасы, вот она. Но думаю, что однажды человек увидит еще что-то. Он решит: что-то такое было, ну-ка еще заглянем.

— Мне довелось присутствовать на коллоквиуме театрального курса, где я узнал, что Пушкин не писал прозы, а автор “Мертвых душ” — Лев Толстой. Да что абитура — в газетах путают Есенина с Блоком, утверждают, что Гамлет заколол Полония, когда тот молился. Девятый вал невежества — такое не пугает?

— Конечно, пугает. Я больше скажу: сама тухлая колбаса кричит о себе на каждом углу, что она единственно возможная и приемлемая.

— А если именно качественная продукция и исчезнет?

— Вот ведь абсолютно неразрешимая задача: театру ли опускаться до зрителя-потребителя или все же попытаться его втащить к себе. Моя профессия — один из инструментов создания среды. Всего-навсего микроскопический фралмент, но если средой не заниматься, если не иметь в виду перспективы и масштаб, наверняка ничего не выйдет.

Беседу вел
Геннадий ДЕМИН
Фото Михаила ГУТЕРМАНА